

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

УРОКИ РАСПУТИНА

Свою первую повесть “Над полями” я переписывал одиннадцать раз. Во всех вариантах неизменным оставалась только первое предложение: “Дождь лил всю ночь”. Переписанный от руки вариант я отнёс в иркутский Союз писателей. За месяц её всё же одолел поэт Сергей Иоффе. Я прочитал отзыв и подумал, что вот так, мордой об стол, меня ещё не били. Мне чёрным по белому было сказано: не лезь к избранным. Крути штурвал. Слава Богу, хоть его мне оставили. “Ну, скажем, в литературу мне путь не заказан, а вот вам сесть в кабину и научиться управлять самолётом не дано”, – подумал я, забирая рукопись. Тогда я ещё не знал крылатую фразу, что рукописи не горят. У каждой из них своя судьба. И нужно было пройти свою дорогу, свой круг.

Работник бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей Володя Удатов, увидев мое огорчённое лицо, должно быть, в душе посочувствовал неожиданно залетевшему в писательский подвал лётчику и, глянув первую страницу рукописи, сказал, что моя рубленая фраза напоминает ему прозу Хемингуэя. Его слова прозвучали неожиданно и, честно сказать, приятно. Взял и усадил рядом со знаменитым американцем – такого подарка я не ожидал. Удатов посоветовал показать рукопись Геннадииу Машкину.

Машкин прочитал мой опус и посоветовал переделать его.

– Пока что литературные рули слушают тебя плохо, – сказал он. – Надо работать.

И я взялся за дело. Переписал, вновь дал почитать Машкину. Тот прочитал и передал рукопись Вячеславу Шугаеву. В те времена Шугаев возглавлял Совет по работе с молодыми авторами. Вячеслав прочитал, посоветовал переделать отдельные главы и сказал, что будет рекомендовать меня на писательскую конференцию “Молодость. Творчество. Современность”.

На конференцию меня вытащили буквально из кабины самолёта, когда я уже собирался вылетать в Киренск. Командиру отряда было наплевать на мою просьбу отпустить на конференцию: есть работа, есть план полётов, сиди, крути штурвал и не рыпайся. Когда я запросил разрешение на выруливание, диспетчер приказал заглушить двигатель и зайти к замполиту иркутского аэропорта. Тому захотелось познакомиться с начинающим писателем, о котором ему только что позвонил секретарь обкома по идеологии Евстафий Никитич Антипин.

Через час я сидел в зале, где было полно московских гостей, и слушал, что говорят о моей повести маститые писатели. Семинар прозаиков возглавлял прилетевший из Москвы писатель-фронтовик Владимир Яковлевич Шорор. По его рекомендации рукопись попала в журнал “Сибирь”. Там её начали читать Дмитрий Сергеев, затем Борис Лапин. И уже по их рекомендациям

главный редактор журнала Геннадий Николаев отложил публикацию на неопределённый срок, сказав, что рукопись надо бы ещё доработать. Тогда я ещё не знал, что бывают случаи, когда Москва для провинции не указ.

Время шло, я перечитывал Шолохова, Фолкнера, Ремарка, Чехова, пытался понять, как они строят фразу, учился, переделывал свою рукопись и ждал публикации. За это время научился печатать на машинке, ещё раз перечитал книги всех моих рецензентов, которые после знаменитого читинского семинара именовались не иначе, как “иркутской стенкой”. Вот об неё я разбивал себе лоб. Перебирая книги, я натолкнулся на стихи Шиллера:

*В царство сказок возвратились боги,
Покидая мир, который сам,
Возмужав, уже без их подмоги
Может плыть по небесам.*

Сегодня вспоминая то время, я ещё раз убеждаюсь, что период непризнания – вещь сама по себе поучительная, через неё надо пройти. Здесь уже по-новому смотришь на себя, чего ты стоишь и что можешь в этой жизни.

Сразу же после конференции я поступил в Иркутский университет на филологический факультет и чуть ли не каждую неделю стал приносить в редакцию “Восточно-Сибирской правды” заметки и очерки, которые заведомо спорта и информации Володя Ивашковский тут же ставил в номер под рубрикой “Репортажи из кабины самолёта”. А вскоре рукопись моей повести попала к Валентину Распутину. Он прочитал её быстро и пригласил меня к себе домой.

Прямо после полёта я сел в автобус и поехал к Распутину. Шёл осенний дождь, было холодно. Валентин встретил в дверях, подал мне тапочки и проводил на кухню. Там он накрыл стол, стал заваривать чай. Это он любил и умел делать. Затем достал приготовленную рукопись, полистал её, протянул мне.

Я разглядел его пометки, плюсы и минусы на полях.

– Тема малой авиации сама по себе не решает задачи, – сказал он. – Эта повесть, судя по намерению автора, всё же больше похожа на очерк.

Я заметил, что прежде чем начать говорить, он как бы перекатывал во рту невидимые камешки, подготавливаясь к произнесению первого слова.

– Запомни первое: каждый из твоих героев должен говорить своим языком.

Распутин помолчал немного и добавил:

– Характер лучше всего показывать через диалог. Может быть, твоим лётчикам надо поговорить в кабине, когда они попали в грозу? Именно там, в экстремальной ситуации, должны проявиться характеры. – И, помолчав, добавил:

– А лучше начни новую вещь. У тебя получаются заметки о пилотах.

“Надо же – заметил!” – мелькнуло у меня в голове.

– У художников это, кажется, называется выехать на пленэр, – смутившись, сказал я.

– Да, чувствуется, что твои товарищи списаны с натуры, – улыбнулся Распутин. – Надо идти от простого к сложному. Одномерной прозы не существует. Она чаще всего бывает безмерна, у неё много этажей. Образ может быть не только в описании природы, его можно показать через психологию, чувства. Художник создаёт образ красками, писатель – словами, основой всему служит воображение.

Время от времени Распутин выходил в соседнюю комнату покормить недавно родившуюся дочь Марусю. А вскоре с работы пришла Светлана Ивановна и стала угощать нас пирогами.

На Новый год я привёз Распутиным с Севера ёлку, пушистую, высокую. Валентина дома не было, я затащил ёлку в комнату и уехал к себе домой. Вечером слышу звонок в дверь. Жена открыла, на пороге – Распутин. Смущённо улыбаясь, протягивает подарки: красиво изданные сказки Гауфа – это моим маленьким сыновьям; тогда ещё невиданные, должно быть, привезённые из-за границы шоколадные яйца “киндер-сюрпризы”, а мне – станок и лезвия для бритвы “Шик”. Я сбегал в комнату и принёс приготовленные ему простые, с твёрдым графитом карандаши. Я уже знал, что Распутин любит такие, он их затачивал тонко-тонко, чтобы писать мелко и убористо. После перепечатки одной страницы написанного им текста получалось до шести страниц на машинке.

После своего первого визита к Распутину, уже дома я ещё раз перелистал рукопись, разглядывая мелкую карандашную правку: разбор был полным и тщательным, вплоть до расставленных запятых.

Позже я не раз отмечал характерную для него особенность: он был внимателен к собеседнику, к тексту, который читал или правил. Однажды я был свидетелем, как он звонил в Москву своему редактору и по телефону более часа выправлял текст книги, которая готовилась в печать в издательстве “Молодая гвардия”.

“Сколько же он заплатит за телефонные переговоры?” – мелькнуло у меня в голове.

“Валентин пишет трудно”, – не раз слышал я от писателей в Иркутске. “Если трудно, значит, хорошо”, – приглядываясь к своим новым товарищам из “иркутской стенки”, соображал я. В разговорах, спорах, обсуждениях для меня открывался писательский мир. И я открывал для себя многое.

Как-то на посиделках у отъезжающего в Москву Вячеслава Шугаева Роберт Рыбкин упрекнул Распутину, что тот использовал сюжет, который есть в его повести “Тяжёлые снега”.

– Нас здесь целая команда пишущих, – помолчав немного, ответил Распутин. – Я предлагаю всем написать рассказ с одним сюжетом. Уверен, что это будет десяток совершенно не похожих друг на друга текстов.

Ответ Валентина меня восхитил. Он был прав: не бывает двух людей с похожими характерами, с одной и той же походкой, речью, темпераментом, жизненным опытом и мастерством, даже если они делают одно и то же дело.

Часто на встречах со студентами Распутину спрашивали, как он пишет, каков его график, когда встаёт и когда ложится спать.

– Встаю рано, завариваю чай, – улыбался Распутин. – Затем начинаю прилаживаться, настраиваться на работу. До обеда, бывает, напишу три предложения. После обеда вычеркиваю два. Надо, чтобы текст отлежался. Через какое-то время глядишь на него свежими, не замысленными глазами. Прочитал, снова отложил, после всегда найдёшь что вычеркнуть. Текст становится чище и точнее. Это всё равно, что полоскать бельё.

А в тот первый для нас вечер мы сидели на кухне, пили чай, я нахваливал собранные и посланные Валентином рыжики. После мы не раз съездим с ним в тайгу по грибы и по ягоды. Для него, жителя далекого таёжного села Аталанка, заготовка грибов и ягод была привычной работой. Позже, приезжая к нему на дачу, я видел, как он лопатой вскапывает огород, делает грядки, высаживает морковь, свёклу, огурцы и картошку. И ходит по участку в фуфайке и кирзовых сапогах. Валентин любил показывать инструменты, которые он привозил из-за границы. Чаще всего он бывал на даче один; свежий воздух, простор, никого не надо занимать разговорами, сиди, размышляй, занимай себя тем, к чему готова душа.

Однажды я приехал к нему после вылета, хотел помочь по хозяйству. Он глянул на моё лицо и кивнул на кровать:

– Отдохни.

Я прикорнул, а когда проснулся, гляжу – на столе свежий хлеб и трёхлитровая банка деревенского молока. Пока я спал, Валентин сходил и принёс всё это специально для меня. Почему-то мне вспомнился его рассказ “Уроки французского” и кружка молока, которую голодный мальчик покупал на выигранные в чикку монеты. За столом Валентин пожаловался, что и здесь на дачу лезят непрошенные гости.

– Шарят, берут, что поценнее. Недавно стащили электрорубанок, который привёз из Финляндии. А вот бутылку водки не нашли. Я её в печку спрятал. Прикрыл золой. Вот её и не нашли, – он засмеялся тихо, как ребёнок. – Выпьешь?

– Будем пить молоко, – улыбнувшись, сказал я. – Оно полезнее.

Как-то летом он меня с друзьями-лётчиками пригласил собирать жимолость к знакомому старику-охотнику в верховья Лены. Валентин тогда писал очерки в книгу “Сибирь, Сибирь!” и хотел поговорить со старожилом о прошлом житье-бытье на отдалённой заимке.

Ехать было далеко. По дороге стали вспоминать свои прежние походы по ягоды. Валентин слушал, как мы набивали свои объёмистые горбовики. С каждым новым рассказом ставки росли: четыре, пять вёдер ягод за полдня. С некоторой тревогой поглядывая на нас, Распутин вдруг произнёс:

– Ну, дорогие мои, такой ягоды я вам не обещаю! – И, засмеявшись, добавил: – Вы меня свозите туда, где, по вашим рассказам, ягоды на кочках ведрами стоят.

По пути у машины спустило колесо. Мы остановились, принялись за ремонт. Валентин сменил водителя и начал подкачивать камеру.

– Я теперь буду всем говорить, что сам Распутин менял мне колесо, – пошутил бортмеханик.

– Пусть на насосе поставит свой автограф, – сказал второй пилот Рагоза.

Приехав на место, мы расположились табором в лесу неподалёку от заимки, где жил старик. Перекусили. А затем рассыпались по кустам. Набрав ведро жимолости, Валентин взял блокнот, карандаш и пошёл искать старика, который, как нам сказали, был на покосе.

Вернулся скоро, с улыбкой на лице.

– Что, записал? – спросил я

– Да нет, – засмеялся Валентин. – Сказал, что у него сегодня не приёмный день. Сено ворошить надо.

В восемьдесят пятом году, когда ещё горбачёвско-ельцинская скверна не затронула Россию, в Иркутск вместе с Марией Семёновной приехал Виктор Петрович Астафьев. Мы вместе с моим красноярским другом Олегом Пашенко встречали его на вокзале. Вечером я проводил Астафьева до квартиры Распутина и решил идти домой, поскольку Валентин меня не приглашал.

– Что здесь у вас за чайные церемонии, – неожиданно возмутился Астафьев. – У нас так не принято.

– Но то у вас, – отшутился я и пошёл к себе. Каково же было моё удивление, когда я, едва перешагнув порог, услышал от жены, что меня к телефону зовёт Распутин.

– Валера, ты меня извини. Но если можешь, подойди ко мне. Очень тебя прошу.

Через несколько минут я был у Распутиных. Тогда я впервые увидел маму Распутина, маленькую спокойную русскую женщину, которая добрыми и ясными глазами смотрела на нежданно упавших в дом сына гостей. На другой день мы с Астафьевым, Пашенко, Геннадием Сопроновым и Марьей Семёновной поехали в мою деревню Добролёт. Там мы прожили несколько дней, а после поехали в Иркутск. А потом я пригласил их всех к себе домой. Виктор Петрович, оглядев мои книжные полки, с улыбкой посоветовал Олегу, чтобы и он у себя в Красноярске навёл порядок в домашней библиотеке, где каждой книге было бы своё место.

Валя засмеялся:

– Должно быть, самолёт приучил Валеру к порядку. Я тоже стараюсь, чтобы каждая книга знала своё место. Подаренные мне книги я храню в отдельном шкафу.

Затем мы пили чай, пели песни. Запевал Виктор Петрович, Валентин негромко подпевал. Ну, а уж мы старались, как могли. После Валентин не раз вспомнит тот тёплый семейный вечер.

Править жизнь

Мы все живем иллюзией: всё, что нас окружает, – вечно, так было вчера, сегодня, будет всегда. Но проходит год-другой, оглянешься – а тех людей, к мнению которых ты прислушивался, кто определял и направлял твою жизнь, уже нет рядом. И никогда не будет. Ещё некоторое время бывают слышны в памяти их голоса, можно при удобном случае вспомнить о них. Есть ещё материальное подтверждение их пребывания на земле – это книги. И всё же, как не вспомнить стихотворение Гаврилы Романовича Державина:

*Река времён в своём стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Через звуки лиры и трубы,*

*То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.*

Сегодня, оглядываясь назад, я вновь вспоминаю ту атмосферу, которая существовала в писательском союзе Иркутска. Отношение к начинающим было строгим, творческим, деловым. В немалой степени тому способствовало появление целой группы молодых талантливых поэтов и писателей. После читинского семинара их одно время называли “иркутской стенкой”. Большинство из них приехали из деревень, многие стали студентами Иркутского государственного университета, другие пришли в литературу из геологии. Интерес к литературе в стране был, как это иногда говорят, запредельным, полные аудитории при встречах со студентами и преподавателями, на главных городских улицах то и дело проводились книжные ярмарки. Марк Сергеев, Александр Вампилов, Валентин Распутин, Вячеслав Шугаев, Геннадий Машкин иногда по отдельности, а иногда и все вместе то и дело появлялись на экранах телевизора. Шугаев, так тот вообще вёл часовую передачу “Книжная лавка”. В Доме писателей существовал отдел по работе с молодыми авторами. Его после Шугаева возглавлял Евгений Адамович Суворов. Вот от него я и получил первую квалифицированную правку своей повести “Опекун”.

Суворов не только основательно, абзац за абзацем, предложение за предложением разобрал мою повесть “Опекун”, но и указал, где надо поставить “тирешку” – так он называл тире – или двоеточие, убрал близкие по значению слова, которые не дополняли, а утяжеляли ткань повествования.

На заводах прежде, чем запустить машину в производство, проводят окончательную доводку, испытывают двигатель на стенде. В авиации есть разбор полётов. Кроме того, у лётчиков существует институт инструкторов – пилоты высшей квалификации шлифуют лётные навыки начинающих. Суворов не стал ставить себя на место инструктора, ему было приятно вместе со мной и моей рукописью мысленно вернуться в своё прошлое, когда он вот так же учился у более опытных писателей.

– Моя жена Тамара по профессии врач. Когда я работал корреспондентом “молодёжки”, мне довелось писать материалы о медиках. Так вот, иногда правку текста можно сравнить с работой пластического хирурга, – говорил он. – Нужно убрать скальпелем лишнее и соединить обрезанные куски, чтобы они стали одним целым. Чтоб всё стало единым и по смыслу, и по наполнению. Основа складывается из тех же слов, тех выражений, что используют окружающие тебя люди. Мы их отбираем и выстраиваем в одном, только нам присущем порядке. Словами рисуем воображаемую картину окружающего нас мира и наполняем её мыслями, деталями. И судьей нам уже будет читатель, он будет примерять на себя сшитый по твоим лекалам костюм.

Я потом долго размышлял над его словами. Раньше я видел, как правит свой текст Слава Шугаев. Если Женя это делал скальпелем, то Слава работал, как папа Карло: вначале расчерчивал всё по линейке, вырубал своих героев из полена и затем сшивал отдельные части единой нитью.

– Главная и основная мысль должна проходить через весь рассказ или повесть красной нитью, – любил говорить Шугаев.

Очерки, особенно те, что он написал во время своих поездок на Север в Ербогачён, Слава писал великолепно, точно, зримо, и читались они на одном дыхании. А вот с художественными вещами у Шугаева начинались проблемы, бывало, читаешь один из лучших его рассказов – “Арифметика любви” – и то и дело спотыкаешься. И начинаешь думать, что слова взяты у кого-то напрокат.

– У писателя весь его талант – в сидении за столом. Один процент таланта, остальное – в чугунной заднице, – любил повторять Шугаев. – Сиди, вычёркивай, ищи своё слово и не жалея потраченного времени.

Всё, сказанное им, было верно, но у меня оставался невысказанный вопрос: если бы всё определяло сидение за столом, тогда из бухгалтеров рождались бы самые известные литераторы.

Всем было известно, что Шугаев своим главным соперником видел не Суворова, а Распутина и отчасти Вампилова. Ровный и спокойный по характеру Женя Суворов избегал соперничества, хотя Вампилов ждал от него многого. У Суворова, как и у Распутина, было всё психологически выверено, одно цеплялось за другое, слово к слову, всё вовремя и к месту. В этом они чем-то походили друг на друга. В рассказах Суворова просматривалась интеллигентность

сельского учителя, который не только любил учить, но и показывал на деле, как это можно делать.

– Характер писателя, его ощущения, предпочтения видны, и от них никуда не денешься и ничем не укроешься, – говорил Евгений Адамович. И начинал рассказывать о своих встречах, спорах и разговорах на эту тему с Вампиловым и Распутиным, с которыми ему одно время довелось вместе жить на съёмной квартире. Рассказывал Женя ярко, с юмором, красочно, с деталями и, мне кажется, мог говорить о своих товарищах часами.

– Всё у него вылетает в разговоры, в свисток, – осуждал Суворов Шугаев. – Работать надо, а не разговоры разговаривать. Вот посмотри: Распутин – как муравей. Наконец-то отыскал свою нишу, и его не свернёшь, – и, помолчав, добавлял: – Нового здесь немного. Если русские классики выпорхнули из гоголевской “Шинели”, то современные писатели-деревенщики – из бунинской “Деревни”. Ты посмотри, в том же “Последнем сроке” Распутина есть что-то из “Худой травы” Бунина.

– Так Валя, отвечая на подобные упрёки, предлагал всем сесть и написать рассказ на один сюжет. Он был уверен: напишут десять разных текстов.

– Так надо сесть и написать! – когда у нас заходил разговор о Бунине, улыбался Суворов. – Возьми и сделай лучше, чем Иван Алексеевич. Но для этого надо знать деревню. А Слава вырос на асфальте. Как говорил мой сосед, кстати, директор школы, в нашем деле часто бывает, что утки дуют в дудки, тараканы бьют в барабаны. А где кобылке брод, там курице потоп. – Тут Женя останавливался. – Но все метят себя в петухи!

Тогда мне казалось, что в своём становлении, соперничая и стараясь следящей своей вещью, как иногда говорил Шугаев – “нетленкой”, превзойти своего товарища, они многому учились друг у друга. Конечно же, они были разными и по характеру, и по темпераменту. Распутин старался посторонних в свой творческий мир не пускать, текст всегда тщательно отделявал и продумывал каждую сцену, каждую фразу. И от него я никогда не слышал разговоров про “железную задницу”.

А вот к книгам, особенно к подаренным ему, Распутин относился с особой бережностью, хранил их в отдельном шкафу. И сам любил дарить. И не только свои...

Как-то на одной писательской посиделке с омулем и вином, на которой оказались Валентин Распутин, Геннадий Машкин, Евгений Суворов, Валерий Стуков и Борис Черных, кто-то нечаянно обмолвился, что ездил ночью на могилу к только что ушедшему Александру Вампилову. Было сказано тихо, но почему-то услышали все. И на секунду в комнате повисла тишина.

– Пока живы, надо ездить к живым, – вдруг сухо обронил Черных. – И желательно не по ночам, во тьме, а днём.

Ездил бы на кладбище кто иной, это бы не стало предметом обсуждения, мало ли какая блажь иногда приходит в голову молодым людям. Но среди ездивших прозвучала фамилия Распутина, и Черных, как давний приятель Вампилова, решил расставить приоритеты – кому такое дозволено, а кому бы и не высовываться.

Я знал, что за резкие высказывания в адрес существующей власти бывший комсомольский работник Черных был исключён из университета, а после письма в защиту Солженицына получил “волчий билет”. И вот теперь в честной компании ему представилась возможность высказаться по поводу показного товарищества “иркутской стенки”. По принципу: уж если бить, то по тому, что приметно.

Несколько секунд Валентин молчал, затем встал.

– Это моё дело, к кому ездить и когда, – сказал он и вышел из комнаты. На другой день Черных принёс Распутину все подписанные им книги.

– Без радости была любовь, разлука будет без печали, – хмуро сказал он.

Распутин молча забрал книги. Вообще-то в друзья к известному в Иркутске диссиденту он не набивался, у каждого, взявшего в руки перо, свой путь, своя дорога, свой выбор. Подпись на подаренных книгах – всего лишь знак внимания. Но впрямь Валентин стал разборчивее к тем, кто приносил ему книги на подпись.

Чем выше поднималась известность Распутина, тем больше людей хотели войти в круг его близких друзей. Одни это делали так, на всякий случай –

считать себя другом или товарищем известного человека тоже имеет цену. При удобном случае можно его именем козырнуть или решить какие-то свои проблемы. В России таких во все времена – хоть пруд пруди. Знали: Валя – отзывчивый человек и всегда откликнется на просьбу.

Однажды ему всерьёз пришлось защищать писателя Глеба Пакулова, который в угоду приятелю, лесничему Виктору Носыреву, устроил в Мельничьей пади допрос браконьера с применением недозволенных методов воздействия. И чуть было не схлопотал срок. Помню, как мы с приехавшим в Иркутск Владимиром Крупинным пошли к нему в гости и увидели, как милиционеры сопровождают Пакулова в отделение. Надо сказать, картина была не из приятных. Но Пакулов не показался нам расстроенным.

– “Рука, отбросив пистолет, // Качнулась в сторону стакана, – хорохорясь, продекламировал он. – Под белы ручки, в белый свет // Ведёт конвой меня, жигана!” – и, секунду помолчав, добавил:

– Там у Вити Носырева для вас всё накрыто. Вы уж меня извините! Пригласили на непредвиденный разговор, – и побрёл вслед за милиционерами дальше.

Глеб получил бы срок, если бы не заступничество Распутина. Как сказал сам Валентин: “Бывает, что талант и дурость ходят рядом”.

Но были и другие, кто искал малейший его промах, были даже такие, кто не мог простить ему ту выигранную в чику кружку молока, которую он выпивал один, не поделившись с другими.

В своём быту он всецело полагался на вкус жены, Светланы Ивановны. Когда ему выделили новую квартиру, но в старом доме, городские власти затеяли ремонт. Отделочные работы контролировал сам глава города Николай Францевич Салацкий, он относился к Валентину с огромной теплотой и вниманием. Ремонт был закончен быстро. Помогая перевозить Валентину вещи, я вдруг обратил внимание, что плитка в ванной отстала от стены.

– Надо бы сообщить в администрацию Салацкому, – посоветовал я.

– А зачем беспокоить, – пожал плечами Распутин. – Я найму кого-нибудь. Пусть снимут плитку и наклеят новую.

– Один момент, – сказал я и пошёл в ближайший магазин. Там, к счастью, оказался дефицитный по тем временам клей бустилат. Купив пару бутылок, я вернулся к Распутину, и мы с ним аккуратно залили клей сверху в щель. Затем я нашёл широкую доску, наложил её на плитку, а в качестве распорки между противоположными стенами загнали толстую рейку.

– Пусть постоит пару дней, – сказал я. – Потом посмотрим.

Всё получилось, как надо: через пару дней плитку в ванной можно было оторвать разве что отбойным молотком. Потом мы начали с ним стелить линолеум. И здесь Валентин не хотел ждать строителей: на носу было первое сентября, и Марусе пора было идти в школу.

Между делом мы заговорили с ним о том, что может произойти, если по всей стране начнут давать трещины стены и будет отваливаться приклеенная плитка. Этот разговор я начал с шутки, мол, если строительные бригады находят возможность халтурить, даже находясь под надзором таких уважаемых людей, как Салацкий, то чего ждать от других. Валентин мою шутку принял, но решил развить её с той серьёзностью, которую я часто замечал в нём. Впервые я услышал, что существующая коммунистическая система, как и всё, придуманное людьми, не вечна.

– Поскольку всё держится на страхе и делается из-под палки, то конец неизбежен.

– Валя, ты считаешь, что наше государство распадётся? – уловив ход его мысли, спросил я. Об этом в те времена как-то вслух не принято было говорить. Да и не верилось: ну, не может исчезнуть то, что, казалось, собрано на века. Здесь и стройка века БАМ, и недавно построенный КамАЗ, и в космос чуть ли не каждый месяц запускаем ракеты. Он покопался в своей библиотеке, отыскал какую-то книгу, полистал её, протянул мне. “Георгий Иванов. Сборник поэзии”, – прочёл я.

*Россия счастье. Россия свет.
А, может быть, России вовсе нет.
И над Невой закат не догорал,*

*И Пушкин на снегу не умирал,
И нет ни Петербурга, ни Кремля —
Одни снега, снега, поля...
Снега, снега, снега... А ночь долга,
И не растают никогда снега.
Снега, снега, снега... А ночь темна,
И никогда не кончится она.
Россия тишина. Россия прах.
А, может быть, Россия — только страх.
Верёвка, пуля, ледяная тьма
И музыка, сводящая с ума.
Верёвка, пуля, каторжный рассвет
Над тем, чему названья в мире нет.*

Этот сборник он отдал мне, а чуть позже подарил “Народную монархию” Ивана Солоневича и “Белую гвардию” Михаила Булгакова. Думаю, что сделал это умышленно, чтобы я не только оттачивал монтажное и ремонтное мастерство, но и развивал свой кругозор. Распутин знал, что, кроме лёгного образования, я получаю второе — оканчиваю факультет журналистики Иркутского государственного университета.

— Думаю, тебе это сгодится, — сказал он.

Как-то однажды я встретил его идущим на почту. Ему тогда приходило много писем из-за границы. И вот одна предприимчивая работница на почте повадилась срезать заграничные марки, мол, с писателя не убудет, а её коллекции прибудет. Валентин показал мне изрезанный конверт и добавил, что терпеть такое хамство далее невозможно. Тем же вечером он написал заметку в газету, описав стрижку марок и нравы работников почты. Заметка называлась “Абстрактный голос”. Журналисты областной газеты “Восточно-Сибирская правда” тут же подхватили почин, и появилась рубрика под этим названием. Стала для Иркутска чем-то вроде “Прожектора перестройки”.

Когда я решил выдвинуть свою кандидатуру в депутаты России, он уже был союзным депутатом. Как-то на встрече в Доме писателей он рассказал мне историю.

— Однажды ко мне в дверь постучалась цыганка. Я открыл, она мне с порога: “Я, пожалуй, остановлюсь у вас, мне негде жить и ночевать. А власти — теперь это вы, наша власть, депутат, — сидят в тепле и не желают помочь!”

Валя грустно рассмеялся:

— Пришлось мне узнавать, кто она, откуда родом, к кому обращалась, потом звонить в облисполком, чтоб помогли обездоленной.

Я понял, что Валя решил предупредить меня, что депутатство дело не такое уж и почётное, а, скорее, неблагоприятное, и тут пощады, даже от своих коллег, не жди. Сегодня я могу сказать: он был прав... После расстрела “Белого дома” к нам в московскую квартиру уже ломилась не цыганская семья, а ОМОНовский наряд. И не для того, чтобы поселиться в квартире, а чтобы вышвырнуть нас вон из Москвы. Да и сам Распутин прошёл не только через признание своих читателей, но и через плевки и оскорбления тех, кто хотел разрушения России.

Где-то летом девяносто первого года, сразу же после ГКЧП, толпа экзальтированных женщин поджидала у Спасских ворот союзных депутатов и чуть не оборвала Распутину пуговицы на пиджаке. Уже в гостинице Валентин скажет пророческие слова: “Что имеем — не храним, потерявши — плачем”. Тогда мы вместе с его другом журналистом Владимиром Ивашковским выпускали газету “Восточное обозрение”, где сделали несколько спецвыпусков, посвящённых главным политическим событиям в России. Назывались они “Референдум” и “Президент”.

Вновь, как и ранее, Валентин предложил Ивашковскому стихи Георгия Иванова:

*Холодно. В сумерках этой страны
Гибнут друзья, торжествуют враги.
Снятся мне в небе пустом
Белые звёзды над чёрным крестом.*

*И не слышны голоса и шаги,
Или почти не слышны.
Синие сумерки этой страны...
Всюду, куда ни помотришь, — снега.
Жизнь положив на весы,
Вижу, что жизнь мне не так дорога.
И не страшны мне ночные часы,
Или почти не страшны...*

В последние годы Распутин писал мало. Цикл рассказов “Сеня едет” он написал как бы по инерции, голова была занята другим. Привычный, знакомый ещё с детства мир обрушился, всё, на чём держалась жизнь, оказалось ненужным. Да и само писательство вдруг оказалось лишённым всякого смысла. Как однажды сказал Распутин, всё заполнили *подменные люди*. Гружёные своими шуршащими клетчатými сумками, заполнившие всё окружающее пространство, гуськом двигались они по улицам, исчезая в лавочках и базарных развалах, оккупировали вокзалы и аэропорты. Им было не до размышлений о чести, нравственности, судьбе государства. “Не до жиру, быть бы живу!” — вот главный лозунг тех дней. А тут ещё новая беда: в авиационной катастрофе погибла дочь Мария и почти следом заболела Светлана Ивановна. Начались проблемы со здоровьем и у самого Распутина.

У каждого своё восприятие творчества этого великого мастера. Ближе всего мне его рассказы “Василий и Василиса”, “Уроки французского”, “Рудольфо”, конечно же, повести “Деньги для Марии” и “Последний срок”. По поводу языковых изысков, которые присутствуют в творчестве некоторых писателей, он сказал, что читать такую прозу — всё равно, что смотреть через замутнённое окно. Он говорил, что надо смотреть на себя глазами читателя, не засорять излишествами текст, искать и находить новые словосочетания, стараться использовать всё богатство русского языка. Случалось, вопреки своим пожеланиям, перебарщивал и сам. Но “что дозволено Юпитеру, не дозволено быку”.

В последние годы его повести и рассказы всё чаще стали появляться на сценах российских театров. И чего греха таить, талант писателя не всегда укладывается в замысел режиссёров-постановщиков, всем хочется побыстрее и не напрягаясь работать с текстом автора, топором, как делал это папа Карла. И в итоге случился перекосяк, произошло клонирование спектаклей, поставленных второпях по произведениям Валентина Распутина. Сидишь на премьере в театре, ухо улавливает полузабытый, но сбережённый Распутиным ангарский говорок старух, и, закрыв глаза, начинаешь гадать, что показывают: “Последний срок” или “Прощание с Матёрой”? На сцене всё те же кровати, сидящие в белом старухи, и старательно они лопочут о том, чего не прочувствовали сами. Но это вопрос не к Распутину, а к режиссёрским решениям. Именно они диктуют актёрам в постановке сцен текст для реплик. Возобладал принцип: что хочу, то ворочу. Должно быть, были уверены: Распутин покроет и вытянет все недочёты. Уж он-то теперь жаловаться не будет. Не только ты имеешь суждение о людях, просчитывают и твои поступки, и возможную реакцию на определённые события. Ну, как тут не вспомнить отставшую от стен плитку...

В жизни Распутин не был однолинейным, бывало — сердился, но никогда не кричал, не срывал злость на близких. Все свои эмоции он держал под контролем. Был ли он противоречивым? Человек — не запрограммированный механизм, у каждого свои особенности и свои слабости. Помнится, после ухода из жизни Светланы Ивановны он как-то сказал в сердцах, что мужчина должен жениться один раз. В конце жизни этот обет, данный самому себе, он не исполнил. И грех его судить за это.

На тех встречах, которые случались в наших совместных с ним поездках, журналисты чаще всего задавали вопросы Распутину, должно быть, полагая, что писатель такого уровня должен знать всё. Валентин иногда смеялся, отшучивался, но чаще старался отвечать серьёзно. Однажды нас с ним пригласили к Илье Алексеевичу Сумарокову на празднование юбилея Усольского свиноводческого комплекса. Слово дали Валентину, и он поразил не только работников предприятия, но и приехавших гостей, сообщив: учёные определили, что свиньи на территории Восточной Сибири водились тысячи лет

назад. И напомнил, что работники предприятия занимаются самым нужным и полезным делом. Ответом ему был гром аплодисментов. Нам всем стало ясно: выступать со стихами и речами после него нет смысла, Валентин сказал за всех сразу.

Помню, как однажды в Братске на встрече с избирателями въедливый журналист-либерал, который решил во что бы то ни стало срезать известного писателя, учинил ему допрос: кто же вы, Валентин Распутин, красный или белый? Валентин с еле заметной усмешкой вспомнил афоризм генерала Лебеда:

– Выбор между “красными” и “белыми” – это выбор между двумя концами одной палки. Какой из них приятнее получить по шее – выбирайте сами. За красное возьмёшься – обожжёшься, за белое – обморозишься.

И уже не скрываясь и не ссылаясь на гремевшего по всем телеканалам генерала, добавил:

– Сегодня в России не генералы, а сплошь философы. Ну, чем вам Лебедь не Сенека?

Вообще с ним выступать было одно удовольствие. Сидишь рядом и чувствуешь его присутствие, знаешь: если понадобится, то он выйдет из-за спины и обязательно скажет своё слово. Мне особенно запомнилась осень девяносто третьего года. Тогда после расстрела “Белого дома” нас, депутатов, кто остался верным Конституции, победившая “демократия” занесла в “чёрный список”. Ни работы, ни пособия. Ну, чем тебе не тридцать седьмой год! Вой демократической прессы, вызовы для дачи показаний в прокуратуру, ночные визиты в квартиры военных в “балаклавах”. И хамские предписания мэра Москвы Лужкова немедленно покинуть служебное жильё. Более того, когда я прилетел в Иркутск, то узнал, что за нами, попавшими в “чёрные списки” бывшими депутатами Верховного Совета, по распоряжению министра МВД Ерина установлено негласное наблюдение. Впрочем, об этом стало известно не только мне – Иркутск не такой уж большой город. И, как оказалось, город не с простым норовом. В нём издавна проживали не только толстосумы-купцы, но и ссыльные декабристы, и ещё много-много других порядочных людей. Ну, как тут не вспомнить, что сразу же после показанного по телевизору расстрела “Белого дома” все стены и заборы города были исписаны призывами “Банду Ельцина под суд!” Узнав, что я вернулся домой, Распутин организовал мне встречу с писателями и журналистами в Доме писателей в Иркутске, чтобы из первых уст узнать, что происходило в Москве в те октябрьские дни. А после стал моим доверенным лицом и выступал по иркутскому телевидению. И написал предисловие для моей книги “Плачь, милая, плачь!”:

“Нынче действительность такова, что она превосходит любой художественный вымысел, сильнее любой фантазии. Никакого воображения ещё несколько лет назад не хватило бы, чтобы представить, что в России в центре Москвы будут звучать из громкоговорителей призывы сдаваться с набором совершенно тех же “аргументов”, какими пользовалась геббельсовская пропаганда – и призывы эти будут обращены к собственному Парламенту, чьё преступление в том, что он держится буквы собственной Конституции?! А дальше – и совсем невообразимое: Президент и правительство бьют из танков по зданию Парламента, косят пулемётами вышедший на улицы народ.

Так было совсем недавно – в сентябре-октябре 93-го.

Автор этой небольшой книжечки прошёл через это, будучи депутатом Верховного Совета, высшего законодательного органа России, и оставаясь в расстрелянном Белом доме. И не дрогнул, не изменил своей позиции. За две недели осады он прошёл вместе со своими товарищами – Сергеем Бабуриним, Владимиром Исаковым, Николаем Павловым и многими другими – такие университеты политики (а что такое политика в своём истинном смысле, как не служение Отечеству и народным интересам?), что в другое время для этого потребовались бы большие сроки.

Перед тобой, читатель, документальный рассказ происходившего в сентябре-октябре 93-го. Эту книжечку необходимо, я считаю, прочитать накануне нового выбора – с кем ты, за что ты, какая Россия нам нужна. В ней не “давление”, а только напоминание. Только рассказ очевидца, как это было, имеющий одну цель – чтобы подобное не повторилось никогда.

Валентин Распутин”.

Такое проявление дружеского участия в самый тяжёлый момент не только твоей жизни, но и жизни страны трудно переоценить.

Вот так, скальпелем, точно и выверенно правил Распутин уже не текст очередной повести, а саму жизнь, примеряя и проверяя её по тем лекалам, которые достались нам в наследство от наших предков, тех, кто пришёл в Сибирь несколько веков назад, обустроил её и передал нам.

Сегодня, когда его уже нет рядом, оглядываясь на недавнее прошлое, можно ещё раз вспомнить стихи Георгия Иванова:

*В сумраке счастья неверного
Смутно горит торжество.
Нет ничего достоверного
В синем сиянье его.
Лёгкие тучи растаяли,
Лёгкая встала звезда.
Лёгкие лодки отчалили
В синюю даль навсегда...*